

формационные процессы / Г. Саймон, Ц. Чинч // Психологический журнал – 1988. – № 2. – С. 336.

13. Серл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серл ; пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – Москва : Прогресс–Традиция, 2004. – 336 с.

14. Тьюринг, А.М. Вычислительные машины и разум. / А.М. Тьюринг // Хофштадер, Д., Деннет, Д. Глаз разума. – Самара : Бахрах-М, 2003. – С. 47–59.

БОГОСЛОВИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА В КОНТЕКСТЕ ИУДЕЙСКОЙ АПОКАЛИПТИКИ ПЕРИОДА ВТОРОГО ХРАМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ, ВЗАИМОСВЯЗИ И ЗАВИСИМОСТИ¹

*Иерей А.А. Тодиев, Ковшов М.В.
(Сергиев Посад, Московская духовная академия)*

Актуальность настоящего исследования обусловлена глубоким интересом к вопросу о возможной связи иудейской межзаветной апокалиптики и богословского наследия Апостола, наблюдаемом в современной библейской науке. Написано множество работ, посвященных проблеме их взаимосвязи, в которых затрагиваются самые различные аспекты интерпретации апокалиптической эсхатологии. При этом означенный вопрос не получил освещения в святоотеческой традиции, а богатое наследие, представленное западной традицией изучения вопроса, труднодоступно для российского церковного читателя. В современной отечественной библеистике вопрос о соотношении апокалиптической эсхатологии и эсхатологии апостола Павла до сих пор не получил должного систематического освещения. Если считать концепцию «двух веков» основой апокалиптической эсхатологии, представляется необходимым решить вопрос о их возможной взаимосвязи путем анализа роли означенной концепции в богословской мысли апостола Павла. Любой посвященный данной проблеме научный труд, несомненно, является востребованным.

Иудейская апокалиптическая литература межзаветной эпохи (III в. до Р.Х. – I в. по Р.Х.) как особая литературно-богословская традиция, стала

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00407.

тем новым способом, с помощью которого Израиль продолжал выражать свои неизменные надежды. Апокалиптическая письменность стала зарождаться по мере того, как нарастал кризис традиционной библейской концепции воздаяния: Израиль после Вавилонского плена скрупулезно исполнял Закон, но при этом продолжал незаслуженно страдать. В результате бесконечной смены одного языческого ярма другим (Вавилон, Персия, Мидия, Македония, Рим) становилось все более ясно, что никакими собственными силами не удастся исправить существующий порядок вещей. Надежда была лишь на радикальное вмешательство Бога в мировую историю, поэтому главной особенностью апокалиптики является ее эсхатологический дуализм, резко разделяющий два века (мироздания) – нынешний и будущий. Данное мировоззрение хорошо описано, например, в апокрифической 2 Книге Варуха и в неканонической 3 Книге Ездры: «Бог сотворил не один век, а два» (3 Езд. 7:50). Нынешний век (עֹלָם הַזֶּה / olam hazze) есть время владычества богоборческих сил, время обнаружения и развития зла и греха; по исполнении времен на смену его явится будущий век (עֹלָם הַבָּא / olam habba), в котором будут господствовать правда, мир и радость. Эти два века антагонистичны по отношению друг ко другу. Таким образом, апокалиптика периода Второго Храма – это историософия в ее простейшей форме.

Корни апокалиптического жанра лежат в ветхозаветной пророческой литературе. Уже у пророков намечается основная побудительная сила исторического развития: противостояние Бога и духов злобы в тварном мире и в человеческих душах. Пророки рассматривали спасение не только в рамках истории. Они знали Бога, Который открывался не только в тварном космосе, но и за пределами его. Это не был выход за рамки истории или отрицание важности уроков истории, но эсхатологическое пророчество есть указание, что спасение внутри истории есть лишь часть Божьего плана о мире (см. Мал. 2:17–3:7). Пророчество вылилось в межзаветную апокалиптику через акцент поздних слепоглухих пророков на космические масштабы спасения, на выход за рамки истории. Полномасштабное ощущение исторического процесса уже присутствует у допленных пророков в латентном состоянии, но тогда еще не было нужды в подобных акцентах. Слепоглухие пророки вводят апокалиптические образы в мейнстрим иудейской мысли.

В межзаветный период иудеи столкнулись с эллинизацией очень тонкого характера. В этой сложной атмосфере библейская идея «браней Яхве» против врагов Израиля обретает характер последней и решающей брани

«сынов света» с «сынами тьмы». Тогда библейская концепция «дня Господня» как рубеж между настоящим миропорядком и ожидаемым полным обновлением мира вносит начатки апокалиптической доктрины «двух веков». Для апокалиптиков этим и был важен «день Господень» – он принесил собой надежду на будущий лучший век. Таким образом, концепция «двух веков» есть историческое продолжение идеи «дня Господня», помноженная на древнюю мечту о «новом небе и о новой земле» (Ис. 65:17). Концепция возникает как органическое и натуральное продолжение ветхозаветного упования, вне всякой необходимости апеллировать к иноземному влиянию.

Апостол Павел в бытность свою фарисеем был знаком с апокалиптикой, что и связывало его с апокалиптизмом как социальным движением. Нельзя отрицать разницу акцентов в фарисействе и апокалиптике, но утверждать, что между ними — большая пропасть также не следует. Скорее всего, фарисеи были все апокалиптиками в смысле того, что фарисейство периода Второго Храма было пропитано апокалиптическими идеями. Только фанатизм, с которым этих идей придерживались, резко отличал фарисеев от апокалиптиков. После своего обращения на пути в Дамаск все радикально изменилось, поскольку Евангелие, которое он благовествовал, «не есть человеческое», ибо он принял его и научился не от человека, но «через откровение Иисуса Христа» (Гал. 1:11–12). Откровение Иисуса Христа стало во главу угла. В этой связи, нужно сказать, что апостол Павел был, несомненно, знаком с апокалиптической письменностью периода Второго Храма. Однако его нельзя никак назвать апокалиптиком в широком смысле этого слова подобно авторам межзаветной литературы. Можно допустить некоторые литературные и богословские параллели и точки соприкосновения, но мы не в силах проследить точные генеалогии идей. Говорить об апокалиптике как об источнике благовестия апостола Павла некорректно и научно недоказуемо. Зачастую Апостол использует лишь апокалиптическую форму или модель как признаки укорененности его писаний в культуре своего народа и определенной исторической эпохе, но содержание является всецело пересмотренным в христологическом ключе. Можно говорить об апокалиптике в богословии апостола Павла с предельной осторожностью, с одной стороны, допуская несомненные точки соприкосновения в плане литературно-риторическом и богословском, но, с другой стороны, отмечая принципиальные различия в том, что касается исторической и богословской перспектив. В противоположность ожиданию грядущего Мессии в иудейской апокалиптике, Апостол возвещает Христа Спасителя,

Который уже пришел. Он веровал, как и нынешние христиане, в то, чего не могли принять многие иудеи в то далекое время: что «Христос умер и воскрес» (1 Фес. 4:14). Апостолу Павлу Бог открыл Евангелие Духом Святым (1 Кор. 2:10). Его богословие не является естественным продуктом исторических условий. Он использует современные ему иудейские лингвистические структуры и формы, ибо в позднюю эпоху Второго Храма существовал четкий эсхатологический язык. Для успеха проповеди необходимо было его всячески учитывать. Поэтому библейская наука нуждается в апокалиптике, чтобы лучше понять язык и внешнюю форму богословия святого апостола Павла. Апостол, несомненно, был великой личностью с великим личным опытом. Новые переживания и мысли, которые родились в результате обращения ко Христу, являются более значимыми, чем старая форма, посредством которой они формулировались.

Примером богословской парадигмы из литературы эпохи Второго храма, которая нашла свое отражение в корпусе Павловых посланий, может служить концепция «двух веков», согласно которой нынешний злой век радикально противопоставляется будущему славному веку. Данная концепция в интерпретации Апостола основательно видоизменена и, очевидно, сближает его с определенным течением поздней эпохи Второго Храма, которому идейно принадлежат 3 Езд., 2 Вар. и ранние пласты Мишны. Авторы этих писаний утверждают, что между нынешним злым веком и будущим веком славы лежит ограниченный по времени мессианский век. Этот век представляет собой смешение свойств «двух веков», поэтому идея о строгом разделении и абсолютной несовместимости веков была преодолена уже в поздней по времени написания и современной апостолу Павлу апокалиптике периода Второго Храма. Двойная схема переросла в тройную: настоящий век / мессианский век / будущий век. Промежуточный мессианский век имеет свое самостоятельное положительное значение; он уже предначинает эсхатологическое будущее, хотя и не тождествен грядущему веку. Согласно 3 Езд. 7:30–31, дни Мессии принадлежат формально к настоящему веку, если исходить из теории двух веков, но век Мессии уже дает наслаждение (см. 3 Езд. 7:28) и открывает собой блага будущего века. Это не просто черта на воображаемой линии истории, но полноценный период времени. Своими свойствами он принадлежит к обоим векам. Несмотря на то, что два века остаются существенными для апокалиптического мировоззрения, более позднее поколение авторов данного движения придерживается троичной схемы в результате включения промежуточного мессианского века. Тем не менее, в этих текстах общая парадигма двух ве-

ков не отменяется, но лишь уточняется. Эти наблюдения существенны для исследования концепции «двух веков» в богословском наследии апостола Павла. Главной характеристикой мессианского века является смешение, или взаимопроникновение, свойств двух веков: «Ибо это время – конец всему, что тленно, и начало тому, что нетленно» (2 Вар. 74:2). Данное наблюдение позволяет провести параллель с учением апостола Павла о со-существовании «новой твари» во Христе Иисусе в настоящем «лукавом веке». Возможно, апостол Павел поместил в новозаветный исторический контекст апокалиптическую концепцию временного царства Мессии, понимая его как исторический период между событиями распятия и Воскресения Христа Спасителя и Его Вторым Пришествием. Хотя окончательное завершение нового века принадлежит будущему, для христиан он уже наступил, поскольку Мессия уже пришел, и им уже возможно «вкусить сил будущего века» (Евр. 6:5). Так как апокалиптическое изменение действует только на тех, кто «во Христе», то внешний мир и его жители остаются под властью старого века. Таким образом, новый век скрыт в настоящем веке. У Апостола уже нет резкого противопоставления двух веков. Он заметно смягчил различия между настоящим веком и веком будущим посредством акцента на невидимое присутствие будущего века в веке настоящем. Этим определяется наиболее яркая черта Павловой апокалиптики – ощущение взаимного сообщения века настоящего и века грядущего. «Искушением во Христе Иисусе» (Рим. 3:24) преображение верующих уже началось: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18). Для апостола мессианский век уже начался. Бытие Церкви как эсхатологической общины спасения полагается между временами. Эта мысль не могла быть выведена непосредственно из межзаветной апокалиптики. Без «откровения Иисуса Христа» (Гал. 1:12) и основополагающего христологического переосмысления данное понимание не было бы возможно. Однако, несмотря на это, нельзя упускать из виду, что последнее откровение эсхатологической эры, по мысли апостола Павла, лежит все-таки в будущем. Ожидаются еще воскресение мертвых, «праведных и неправедных» (Деян. 24:15), переход тварного мира от тления в нетленность (1 Кор. 15:53–54), уничтожение последнего врага – смерти (1 Кор. 15:26) и последний суд.

Апостол является единственным новозаветным автором, в богословии которого апокалиптическая концепция «двух веков» играет важнейшую роль. Павлова тема «двух веков», продолжая предшествующую библей-

скую и межзаветную традицию, являет при этом свою уникальную черту, которая выражается в христоцентричности. Выраженная в сосредоточенности всех апокалиптических представлений на личности Христа, отмеченная черта является осью Павловой апокалиптической эсхатологии. В то время как чаяния иудейской межзаветной эсхатологии были выражены зачастую абстрактным языком, апокалиптическая надежда Апостола сосредотачивалась на конкретном лице Господа и Спасителя Иисуса Христа. При этом Павлова эсхатологическая надежда представляет собой не только приложение традиционных апокалиптических чаяний к Иисусу Христу, но скорее реинтерпретация этих чаяний в свете Личности Христа Спасителя – Его проповеди, Смерти и Воскресения.

Парадигма «двух веков» послужила удобной формой выражения сотериологической концепции апостола Павла. Он не поместил Христа в известную ему схему «двух веков». Старые модели были христорологически пересмотрены, а не наоборот. Мысль апостола как таковая не противоплагается апокалиптике, но он использует ее в своих миссионерских целях. Дом его богословия строится из разных материалов, но основание – Камень Иисус Христос (1 Кор. 3:11). Отправной точкой Павловой эсхатологии была не апокалиптика – когда? но христорология – Кто?

Другой характерной особенностью богословской мысли апостола Павла является отсутствие пессимизма по отношению к настоящему веку, характерного для современной ему иудейской апокалиптической мысли. В Новом Завете нынешний век уже не может быть лукавым, потому что в нем мы «познали Бога» (Гал. 4:9), участвуем «в наследии святых во свете» (Кол. 1:12) и становимся сынами Божиими (Евр. 12:5–8). Настоящий век как таковой – не зол и не лукав (3 Езд. 6:27), но это – «время благоприятное» и «день спасения» (2 Кор. 6:2). Апокалипсис для апостола Павла не столько грозное свершение, исполненное трагизма, но радостное и ожидаемое «сретение» с Господом (1 Фесс. 4:17).

Эсхатология апостола Павла отмечена своеобразным напряженным отношением между эсхатологией настоящего и эсхатологией будущего. Структура спасения описана посредством двух исключаящих друг друга категорий: «уже» и «еще нет». Будущая надежда связана со спасительными событиями прошлого. Эта уверенность коренится в вере Апостола, что христиане живут «в конце веков» (1 Кор. 10:11) и в «последние дни» (Евр. 1:2). Могущественное вмешательство Бога в прошлом (Жизнь, Смерть и Воскресение Христовы) уже предопределило славный конец. «Начаток Духа» (Рим. 8:23) явился началом эсхатологического спасения.

В целом, эсхатология Апостола отличается трезвым реализмом. Он никогда не забывал, что «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4:7). Аспект «еще нет» указывает на фактическую немощь и ограниченность человека, тогда как «уже ныне» обращает взгляд на Христа, дающего спасительную надежду.

Апостол Павел не писал богословских трактатов; его богословие имело характер *ad hoc*, отвечая жизненным вопросам каждой основанной им христианской общины. Тем не менее, его богословие можно систематизировать, найдя подходящий критерий. Возможной структурообразующей моделью всего Павлова богословия является эсхатологическая концепция «двух веков». С ее помощью можно сгруппировать ряд фундаментальных Павловых антиномий, имеющих апокалиптическое и эсхатологическое значение: «первый Адам» – «второй Адам» (1 Кор. 15:45); «плоть» – «дух» (Рим. 8:1–14; Гал. 5:16–25); раб — сын (наследник) (Рим. 8:15–17; Гал. 3:19–4:7); «ветхий человек» – «новый человек» (Еф. 4:22–24); «древнее» творение – «новая тварь» (2 Кор. 5:17; Гал. 6:15); «страдание» – «слава» (2 Кор. 4:17). С помощью идеи промежуточной и временной «мессианской эры», объемлющей свойства обоих веков, апостол Павел включает эсхатологическое бытие Церкви в период «между временами». При этом новом взгляде возникает противоречие «уже» – «еще нет». В искупительных деяниях Спасителя и даровании Духа эсхатологическое обновление уже наступило, но остается определенная оговорка, что ее всеобъемлющее осуществление ожидается во Втором Пришествии.

Концепция «двух веков» представляется архиважной для изучения культурно-идеологического и социального контекста, в котором писал и мыслил святой апостол Павел. Период между Заветами, когда, казалось, «пресеклось слово Божие в род и род» (Пс. 76:9) – это отнюдь не эпоха безмолвия. Апокрифические и псевдоэпиграфические тексты позволяют нам услышать многие важные и влиятельные голоса, прозвучавшие в эллинистический период. Без этих текстов наши представления об иудействе, внутри которого зародилась Святая Церковь, были бы далеко не полными. Эти голоса показывают разнородность внутри иудейства в период Второго Храма и глубокую укорененность апокалиптической литературы в библейском богословии. Межзаветная концепция «двух веков» показывает неразрывную связь двух Заветов: Ветхого и Нового. Само деление истории спасения на Ветхий и Новый Заветы глубоко коренится в антиномичной теме «двух веков». Следует отметить, что сами термины «Ветхий» (2 Кор. 3:14; Евр. 8:13) и «Новый» (2 Кор. 3:6; Евр. 8:8, 13) в при-

ложении к Заветам упоминаются в Священном Писании Нового Завета только апостолом Павлом. Поэтому концепция «двух веков», как и «двух Заветов», является сугубо библейским учением, а не апокрифическим измышлением. Данное положение доказывается и тем, что она тщательно разработана в 3 Езд., которая помещена в славянской Библии в числе библейских писаний.

Вся жизнь христианина представлена в качестве антиномии «двух веков». Он ведет непрестанную невидимую брань на пересечении веков. В его личности присутствуют начатки каждого из двух веков: первый Адам и с ним плотность и тленность, и Второй Адам и вместе с Ним – духовность и слава. В этом положении вещей усматриваются основы христианской этики. Христианину уже много дано, но еще больше его ожидает, если он будет проводить свое земное странствование «достойно благовествования Христова» (Флп. 1:27).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Altizer, T.J. The religious foundations of biblical eschatology / T.J. Altizer // *The Journal of Religion*. – 1959. – Vol. 39 (4). – P. 263–273.
2. Aune, D.E. Apocalypticism, prophecy and magic in Early Christianity: collected essays / D.E. Aune. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2006. – 480 p.
3. Beker, J.C. Paul's apocalyptic Gospel. The coming triumph of God / J.C. Beker. – Philadelphia: Fortress Press, 1982. – 127 p.
4. Black, M. The Apocalypse of Weeks in the Light of 4QEng / M. Black // *Vetus Testamentum*. – 1978. – Vol. 28 (4). – P. 464–469.
5. Bloch, J. On the apocalyptic in Judaism / J. Bloch. – Philadelphia: The Dropsie College for Hebrew and cognate learning, 1952. – 154 p.
6. Branick, V.P. Apocalyptic Paul? / V.P. Branick // *Catholic Biblical Quarterly*. – 1985. – Vol. 47. – P. 664–675.
7. Caudill, E.M. The two-age doctrine in Paul: a study of Pauline apocalyptic: Ph.D. thesis / E.M. Caudill. – Nashville : Vanderbilt University, 1972. – 376 p.
8. Collins, J.J. Apocalyptic imagination. An introduction to the jewish matrix of Christianity / J.J. Collins. – New-York : Crossroad, 1984. – 280 p.
9. De Boer, M.C. Paul and apocalyptic eschatology / M.C. De Boer // *The Encyclopedia of Apocalypticism*. Vol. 1: The origins of apocalypticism in judaism and Christianity / ed. J.J. Collins. – New-York ; London : Continuum, 2000. – 498 p.
10. De Boer, M. C. Paul, Theologian of God's Apocalypse // *Interpretation*. 2002. Vol. 56. – P. 21–33.

11. De Boer M. C. The defeat of death: apocalyptic eschatology in 1 Corinthians 15 and Romans 5 / M.C. De Boer. – Sheffield : Sheffield University Press, 1988. – 260 p.
12. Emmet, C.W. The Fourth Book of Esdras and St. Paul / C.W. Emmet // The Expository Times. – 1916. – Vol. 27. – P. 551–556.
13. Glasson, T.F. What is apocalyptic? / T.F. Glasson // New Testament Studies. – 1980. – Vol. 27 (1). – P. 98–105.
14. Gry, L. Les dires prophétiques d'Esdras (IV Esdras) / L. Gry. – Paris : P. Geuthner, 1938. – CXXXVI, 474 p.
15. Harnisch, W. Verhängnis und Verheißung der Geschichte. Untersuchungen zum Zeit- und Geschichtsverständnis im 4 Buch Esra und in der syr. Baruchapokalypse / W. Harnisch. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. – 362 s.
16. Keck, L.E. Paul and apocalyptic theology / L.E. Keck // Interpretation. – 1984. – Vol. 38 (3). – P. 229–241.
17. Ladd, G.E. The presence of the future. The eschatology of biblical realism / G.E. Ladd. – Grand Rapids : William B. Eerdmans, 2002. – 370 p.
18. Lewis, S.M. What are they saying about New Testament Apocalyptic? / S.M. Lewis. – New-York : Paulist Press, 2004. – 107 p.
19. Matlock, R.B. Unveiling the apocalyptic Paul. Paul's interpreters and the rhetoric of criticism / R.B. Matlock. – Sheffield : Sheffield Academic Press, 1996. – 361 p.
20. McNamara, M. Intertestamental literature / M. McNamara. – Wilmington : Michael Glazier, 1983. – 319 p.
21. Pitts, A.W. Unity and diversity in Pauline eschatology / A.W. Pitts // Paul: Jew, Greek, and Roman / ed. S.E. Porter. – Leiden : Brill, 2008. – 385 p.
22. Porter, F.C. The place of apocalyptic conceptions in the thought of Paul / F.C. Porter // Journal of Biblical Literature. – 1922. – Vol. 41 (1/2). – P. 183–204.
23. Russell, D.S. The method and message of jewish apocalyptic: 200 BC–AD 100 / D.S. Russell. – Philadelphia : Westminster Press, 1964. – 464 p.
24. Stuckenbruck, L.T. Overlapping ages at Qumran and «apocalyptic» in Pauline Theology / L.T. Stuckenbruck // The Dead Sea Scrolls and Pauline literature / ed. J.-S. Rey. – Leiden : Brill, 2014. – P. 309–326.
25. Thackeray, H.S.J. The relation of St. Paul to contemporary jewish thought / H.S.J. Thackeray. – London : Macmillan and Co., 1900. – 260 p.
26. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1: Apocalyptic Literature and Testaments / ed. J.H. Charlesworth. – New-York : Doubleday and Company, inc., 1983. – 995 p.

27. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 2: Expansions of the «Old Testament» and Legends, Wisdom and Philosophical Literature, Prayers, Psalms, and Odes, Fragments of Lost Judeo-Hellenistic Works. – New-York : Doubleday and Company, inc., 1985. – 1056 p.

28. Volz, P. Die Eschatologie der jüdischen Gemeinde im neutestamentlichen Zeitalter / P. Volz. – Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1934. – 458 s.

29. Vos, G. The Pauline Eschatology / G. Vos. – Grand Rapids : Wm. Eerdmans Publishing, 1961. – 384 p.

30. Wilkinson, S.M. Paul and his relationship to the apocalyptic tradition. An assessment of a neglected dimension: his revelatory experiences: Ph.D. thesis / Fuller

КОНЦЕПЦИЯ ГРЕХА И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРЕХА В СТАТЬЕ РУДОЛЬФА БУЛЬТМАНА «ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ВРЕМЕНАМИ СОГЛАСНО НОВОМУ ЗАВЕТУ»

*Иерей Иоанн Кононович
(Жировичи, Минская духовная семинария)*

[Foi et Compréhension, Editions du Seuil, Paris, 1969, pp.52–73]

В числе значимых протестантских богословов двадцатого века Рудольф Бультман занимает одно из центральных мест. Это известный библиист, который родился 20 августа 1884 г. в Германии, он был наследником историко-критической экзегетической школы и одним из отцов современного протестантского библейского богословия.

Его исследования в области литературной критики позволили ему создать «демифологизированное» видение Священного Писания. Будучи сыном лютеранского пастора, специалистом по посланиям апостола Павла, которым Бультман посвятил свою диссертацию, он находился в самом сердце интеллектуально-богословского дискурса своей эпохи, но также и «камнем преткновения».

Рассмотрение этой темы выделим три задачи: в первой мы попытаемся раскрыть понятие греха, которое дает автор, во второй рассмотрим его понимание освобождения от греха и в третьей постараемся выразить их преломление в общей тематике статьи.

Первый этап нашего исследования состоит в изучении концепции греха Бультмана в свете основной темы его богословия – демифологизации.